

1. ОЛЕНЁНОК

Капля дрожит на кончике водопроводного крана, чуть ржавого где-то изнутри, – вода часто принимает рыжеватый оттенок и совсем не пригодна для питья.

Кенгуру смотрит на каплю и размышляет. Сегодня её очередь мыть посуду, а у неё снова лопит левый висок. В последнее время это происходит слишком уж часто и даже обезболивающее не помогает. Кенгуру гладит округлый живот под толстым свитером – двойня. Ради них стоит жить и стараться.

Рыжая капля становится совсем большой и срывается с крана на выпачканную тарелку. Кенгуру улыбается – Лебедь любит варёный картофель в растительном масле. Она хорошая, мечтательная... зефирная, что ли. С ней приятно находиться рядом.

Боль немного утихает, и время приняться за мытьё посуды, пока прочие кусочки их небольшой компании рассыпаны по городу, по своим рабочим местам. Кенгуру снова гладит живот и встаёт у раковины, на всякий случай пододвинув стул ближе. В соседней комнате агукает тихая Агнешка – и куда опять подевалась её дурёха-мать?

Поворот ключа в замке, затем едва заметный запах зефирных косичек. Шорох мягких туфель по кафелю. Лебедь заскакивает в соседнюю комнату, забыв поздороваться с Кенгуру, и начинает укачивать Агнешку. Нет, всё же очень подозрительно исчезновение её матери.

Кенгуру кусает губу от стиснувшей виски боли и берётся за старую, выпачканную в чёрном тряпку – опять Чужая мыла ей сковороду. Чужая вообще странная – ни с кем не общается, непонятно, о чём думает, бледная, словно поганка. Да и во время мытья посуды путает, что чем мыть. Кенгуру вздыхает и берёт другую тряпку – от чёрной уже всё равно никакого проку.

Лебедь вбегает на кухню и радостно заглядывает подруге через плечо. В тонких руках – пакетик с зефирками, которые она так любит. Кенгуру, мягко улыбаясь, моет тарелки рыжеватой водой и складывает их в покупную, прозрачную, чтобы там ополоснуть.

– Трубы совсем плохи, – замечает Лебедь и подёргивает костлявыми плечами. Рядом с плотной Кенгуру она смотрится хиленькой девятиклашкой, но это неважно. Она смотрит на живот Кенгуру: – Прелесть! Совсем скоро в роддом отправимся, правда? Я тебя сопровождать буду, честно-честно!

Кенгуру улыбается; её странности давно привычны. Лебедь ведь тоже была беременна всего месяц назад, но роды проходили слишком тяжело: ребёнок оказался мёртвым, а сама Лебедь больше никогда не сможет родить. В приюте осталась оттого, что больше некуда.

Агнешка в соседней комнате начинает плакать, и Лебедь убегает к ней. Кенгуру смотрит на своё обветренное лицо в старое, в разводах мыла зеркало – на виске бьётся цветком синяя жил-

ка, одной линией огибающая лоб и похожая на терновый венец. Боль в голове так и не проходит. Кенгуру связывает это с тем, как её шарахнул перед уходом о батарею муж, неготовый принять весть об отцовстве. Требовал аборта, запугивал, увещевал...

Всё это позади.

Снова поворот ключа. В прихожую, негромко топая, входит Оленёнок. Крохотная, белобрысая, а глаза что океан. Очаровательная. Ей бы школу окончить, но куда она денется, беременная, от собственного насильника? В школе полным-полно жестоких людей, которые страсть как любят, не разбираясь, вешать ярлыки, об этом Кенгуру знает по себе самой – дразнили из-за полноты. А что, по сути, полнота? Люди без души живут, и ничего.

Кенгуру оборачивается и видит, как Оленёнок перепуганно прячет лицо за курткой, которую постоянно не выпускает из рук. Ей всюду чудятся косые взгляды, чьи-то обвинения, будто во всём виновата лишь она. За курткой – заметно округлившийся животик. Оленёнок даже лишний раз поесть боится, а к маме возвращаться не хочет – чувствует вину. Мама Оленёнка несколько раз приходила в приют, даже разговаривала с дочкой, увещевала её вернуться, но дочь не согласилась. Кенгуру низко опускает голову, чтобы не встречаться взглядом с собственным отражением.

Оленёнок проскакивает на кухню и вертит головой на тонкой шейке. Убедившись, что, кроме неё и Кенгуру, на кухне никого, прошмыгивает в ванную.

– Оленёнок, что-то случилось?

Кенгуру на минуту расстаётся с тарелками и, обеспокоенная видом девушки, стучится. Слышны шум воды и тихое пение Лебеди, которая кормит Агнешку после исчезновения её матери – молока у Лебеди много.

– Оленёнок! – кричит женщина, держась для успокоения за собственный живот, где крепко спят двое её маленьких. – Оленёнок! – снова кричит она и стучит в дверь.

Грохот служит ей ответом.

Кенгуру снова и снова дёргает дверь, обеспокоенная не на шутку. Щеколда скребёт по стенке, дверь ходит ходуном. Адреналин плещется в крови. В мыслях только одно: «Оленёнок!».

Засов ломается. Оленёнок лежит с пробитой головой на холодном кафеле, вся в крови. Не дышит.

– Что такое? – уложившая Агнешку Лебедь выбегает на кухню и видит оставившуюся в кафельный пол Кенгуру.

Видит Оленёнка, захлопывает рот рукой, чтобы не закричать, и бежит к соседям позвонить в скорую, полицию... да хоть куда-нибудь!

На входной двери белой краской выведено: «Вы – твари!», а чуть выше красным из баллончика написано, куда им следует идти отсюда и что делать со своими выродками. Лебедь сжимает губы в тонкую ниточку – те злые мужчины с пятого этажа поработали. Что же, они потом.

Стучась в соседнюю квартиру, Лебедь едва не разбивает себе костяшки пальцев – ей действительно страшно за Оленёнка. Она даже не сомневается в том, что её до такого состояния довели те самые мужчины. Считают, она сама залетела, а теперь выдаёт себя за жертву.

Открывает Грася – невысокая девочка лет двенадцати, живущая вместе с бабушкой.

– Что с вами? – поздоровавшись, интересуется она. – Может, позвать бабушку?

Лебедь путано объясняет, что нужен телефон, и Грася впускает дрожащую соседку в квартиру, забыв закрыть входную дверь. Не интересуется, зачем вдруг нужен телефон, – понимает, что беда. Телефон у них городской, с помесечевой оплатой – от лишней минуты не убудет.

Через десять минут Оленёнка уже увозят в машине скорой помощи – благо был вызов в том же районе.

Кенгуру и Лебедь сидят в комнате, прижимаясь друг к другу, – боятся. Вытереть с пола кровь Лебедь всегда успеет, а успокоить подругу нужно немедленно, вот только слов не находится, а говорить банальности в духе «всё будет хорошо», «ей станет лучше» и «она жива» не хочется. Лебедь говорит лишь то, в чём уверена. В жизни Оленёнка она не уверена, и молчать – самый лучший вариант.

Ольга (к ней единственной обращаются по имени) приходит ближе к вечеру, неся тяжёлую сумку и кое-какие деньги с пожертвований фонда для приюта. Улыбка с её лица исчезает, стоит ей увидеть распахнутую настежь дверь ванной и кровь.

– Что стряслось? – спрашивает она у Лебеди, которая сидит и гладит Кенгуру.

– Оленёнок... – и этого уже достаточно.

Женщина бросает сумку и лихорадочно ищет по карманам свой мобильник. У Оленёнка, по словам её матери, с детства слабое здоровье,

а что происходит на этот раз – загадка для всех, кто сейчас находится здесь.

– А где остальные? – интересуется Ольга у Лебеди, и та объясняет, не упуская ни одной детали.

Кому, как не ей, знать, что Маринэ и Ло с утра в больничных стенах – запись на УЗИ, Лису вчера увезли в роддом, Струна её навещает, Финик так и не нашлась, а Чужая – она на то и Чужая, чтобы о ней не беспокоиться. Всё равно вернётся.

Ольга кивает и решает помедлить с новостью о том, что на счёт приюта прислали пожертвование, а добрые люди всем районом собрали кое-каких вещей, причём в довольно хорошем состоянии. Всё же сейчас не время для таких новостей, совсем не время. Слишком уж беспокоит сейчас, да и на дверях снова написаны ненавистниками плохие вещи. Стоит оттереть их до того, как из больницы вернётся Ло, – она крайне мнительна и чудовищно зависит от чужого мнения. Увидит, потом будет переживать, а это совсем нехорошо для неё и её будущего малыша.

На лестничной клетке стоит Грася и внимательно разглядывает надписи. Меж бровей неглубокая складка – она не согласна с этими фразами. Просто девушки, соединённые общим счастьем (иначе скорое появление ребёнка и не назовёшь!) и помогающие друг другу всегда. Там, где не справились их мужья, они справляются сами, не это ли прекрасно?

– Поможешь мне? – спрашивает Ольга, и Грася кивает в ответ.

Всё по-честному: девчушка оттирает мерзкие рисунки, смысла которых даже не понимает, ведь они практически в самом низу двери, а ей до надписей не достать – миниатюрная ведь. Ольга, наоборот, длиннющая и потому оттирает белую надпись с двери. С настенной живописью не ясно, что делать, и потому она предпочтёт разобратся с этим позже.

Ло и Маринэ появляются как раз тогда, когда слова уже не различимы, но остаются огромные белёсые пятна. Рисунки Грася старательно размазывает губкой; ей сказали, что это может обидеть. Маринэ громко поёт ей, местами недотягивая, но для Ло важны не ноты. Далеко не ноты. Маринэ похожа на скалу посреди бушующего моря – что бы ни происходило, она сохраняет мягкое, женское спокойствие, кажется, даже не умеет истерить, только иногда начинает творить странности. И поёт, если попросишь. Ло петь совершенно не умеет, до невозможного чувстви-

тельна и уязвима, обидчива до иголок под кожей. Наверное, это их и сблизило. Порой Маринэ жутко не хватает живости и резкости, а Ло нужно лишь чуть-чуть покоя.

Лебедь и Кенгуру встречают их на кухне. С заботами об Оленёнке посуда и готовка совершенно вылетели из головы. Маринэ понимающе улыбается – кажется, что бы ни происходило, она всегда в курсе. Это ещё одно из её удивительных свойств. Маринэ никогда и ничему не удивляется. Потому она достаёт из духовки вчерашнюю картошку, круглую, разваренную и, не подогревая, ест.

– Мне подогреть, – Ло садится на шаткий стул, успешно минуя торчащую с краю шляпку гвоздя. – Только чтобы не очень горячо, а то обожгу язык! И маслом полить, пожалуйста! Картошка не острая? – она крайне трепетно относится к своему здоровью, тем более сейчас, во время беременности.

Лебедь даже рада капризному воркованию на кухне – это немного успокаивает, помещает в привычную обстановку. Ло любит держать людей в напряжении и сама постоянно в нём держится – такова её натура. К тому же ей больно есть острое: что-то с желудком. Лебедь плохо разбирается в болезнях да и не интересуется ими вовсе.

Кенгуру смотрит в окно. С усталостью. Видит: уже вечер. И становится немного грустно: что с Оленёнком, так и не ясно, а из больницы не звонят. Маринэ возится со шваброй, собираясь отмыть кровь до возвращения Струны, да и ей самой неприятен вид крови на кафеле. Ло играет с вилкой, зажав её рукоять губами, дёргает ею вверх-вниз и следит взглядом за четырьмя зубчиками. Ольга дежурит у телефона в малюсенькой комнате, оборудованной под кабинет, где хранятся документы и сбережения, боясь пропустить звонок из больницы.

Кенгуру гладит живот и немного потерянно улыбается: такая вот у неё семья. Шумная, капризная, пахнущая зефирными косичками и тёплой, как колючий свитер из натуральной шерсти. Да, такая вот семья.

Маринэ не спит ночами. Просто так сложилось с самого начала беременности – то её ночью есть тянет, то рисовать, то вдруг погулять захочется посреди ночи. Ло по ночам сочиняет «пирожки» и сидит на популярном сайте, периодически проверяя свою группу на количество участников и лайков.

Наверное, частые бессонные ночи, проведённые на кухне, тоже частично сблизили их.

– Слушай, – вдруг тихо выдаёт Маринэ и, когда Ло отрывается от экрана планшета, тихо шепчет: – А как ты забеременела?

– Ну как... – Ло напрягается. – Как все люди беременеют. Анатомию хорошо знаешь?

Ясно, что она не желает говорить об этом, но если уж Маринэ захотела, она непременно узнает благодаря особым уловкам, которым научилась от самой же Ло и на которые Ло охотно попадает, делая вид, что вовсе не подозревает о манипуляции.

Как сейчас.

– А у меня коротенькая, но очень странная история, – Маринэ решает начать первой. – Друзья позвали на вечеринку по случаю дня рождения одногруппницы. Вообще я не люблю такие мероприятия, но туда собирался пойти М., который мне очень нравился и нравится до сих пор, потому я переступила через себя и пошла. Там меня и М. накачали какой-то гадостью и заперли нас в одной комнате. В общем, мы с ним переспали, а через пару недель я узнала, что беременна... – закончив, она зябко кутается в одеяло – на кухне после рассказа становится крайне холодно.

Ло сосредоточенно смотрит в стену, на потрёпанные и чуть пыльные цветы обоев: вспоминает, как носила короткие юбки из блестящей синтетики с чёрными чулками, курила «женские» сигареты с красной тувелькой на упаковке, не пропускала ни одной вечеринки в ночном клубе и однажды допрыгалась. Накачали каким-то наркотиком, наверное. Она не знает, каким и что там происходило.

– Изнасиловали. Вчетвером, – тяжело, хрипло произносит и видит в темноте окна огонёк от тлеющей сигареты.

Кашляет, завернувшись в одеяло, прижимает к груди нагретый планшет, ищет в себе маленькую девочку, которую убили ещё седьмом классе за наивность и, может быть, глупость.

– Кто – не знаю. Сов-сем. И кто отец – тоже не знаю и знать не желаю. Мать с отцом отвернулись, тётка пинками погнала из своей квартиры. Никому я не нужна с ребёнком насильника. Хотела даже аборт сделать, но почему-то не сделала, – горькая, как гнилые апельсины, усмешка, – слабая, наверное, слишком. Трусливая.

Маринэ молчит – всё понимает. Слушает ночь, оставшуюся хозяйкой на этой кухне. Спать теперь хочется ещё меньше. Она думает и пони-

мает: все её капризы – защита, ведь Ло всюду видит угрозу. В первую очередь в себе самой. Переубеждать не собирается, не хочет говорить того, в чём до конца не уверена, – кто же она всё-таки такая, чтобы решать, кто силен, а кто слаб?

А Ло перед самым рассветом засыпает на кухонном столе, так и не отправив в группу последний «пирожок».

2. КОШМАРНЫЕ СНЫ

Струна сидит на холодном белом стуле в приёмной у родильного отделения. Ждёт, грызёт податливую кожу на дрожащих пальцах. «Когда же, ну когда?» Видя врачей, нервно подскакивает, силится задать единственный вопрос, но те отрицательно качают головами и советуют ей отдохнуть, намекнув на нездоровый, поганочный цвет кожи.

Длинные пальцы нервно сжимают крепкую лямку гитарного футляра.

Струна прячет лицо за тонкими волосами, окрашенными в морковный, с белёсыми корнями. Под глазами – синеватые тени. Очень высокая, она хочет уметь складываться, как карты или подзорная труба. Ей некомфортно сейчас на жёстком неудобном стуле, ждать и жать, ждать и ждать, ждать и так до бесконечности.

У неё жутко неудобные ноги – их некуда спрятать. Особенно в эти нервные минуты, когда в тесном коридоре их требуют убрать в сторону медсёстры и врачи с каталками, а под ступ их не запихнёшь, а сбоку – какой-то кабинет. Стоит повернуться, обязательно кто-нибудь откроет двери.

Струне ещё со школьного возраста было стыдно за свой рост. Стыдно и до сих пор, ведь окружающим неважно, каких размеров у человека душа, лишь бы тело вмещалось в общепринятый трафарет, не ясно, кем и когда придуманный, и, неважно вовсе, существующий или нет.

Как жаль, что «идеалом» не является душа.

Струна засыпает среди скрипа каталок и криков будущих матерей, напоследок прислушавшись: не Лиса ли кричит?

Лебедь ворочается в постели, словно чувствуя то, как Струна волнуется, тревожится. По вискам струится холодный пот; снова те сны.

Она посреди озера. Стоит на зеркальной воде и разглядывает своё отражение, тревожное лишь крохотульками-рыбками, не видимыми под толщей кристальной влаги. На воде покачи-

ваются лепестки жёлтых дам-кубышек да белые пёрышки, вдали слышатся трубные лебединые крики: перекликаются меж собой. Над нею кружат полупрозрачные синие бабочки.

– Мама! Мама! – на берегу невдалеке стоит крохотная фигурка маленькой девочки, будто бы подсвеченная ореолом. Малышка выглядит словно живая, настоящая птица на нарисованной ветви. Вместо рук у неё – маленькие серые крылышки, увитые незабудковой вуалью, на белых волосах – перьевой венец, через который преломляются лучи едва-едва тлеющего белого солнца.

– Мама!

Лебедь тянет руку, но натывается на преграду – стекло. Незаметное, идеально прозрачное, оно не даёт ей обнять дочь.

– Мама! Я теперь как ты! – и девочка расправляет крылья, встав в шестую позицию, затем крутит на крохотной ножке фуэте, бьёт одной ножкой другую и замирает, сделав простенькую, но такую аккуратную и безукоризненную «ласточку». – Балерина!

Да. Лебедь улыбается и пытается повторить движения за крохой, но её держат коварные стебли особого ползучего терновника, впивающиеся при малейшем вздохе в нежную, слишком сильно израненную кожу. По щекам текут предательские слёзы, а малышка всё танцует, и в танце этом сквозит любовь к жизни, мечты о материнских объятиях и преломляющийся в лебединых перьях свет.

– Мама! Я родилась без ручек, но лебеди подарили мне свои крылья! – смеётся малышка, затем под аккомпанемент с каждой секундой мрачнющего неба начинает звать: – Мама, пойдём со мной! Здесь всегда тепло, здесь всегда светит солнце, здесь мы всегда будем рядом!

Она бы и рада прокричать горькое «Да!», но терновник сдавливает горло.

С криком Лебедь просыпается в своей кровати, запутавшаяся в пододеяльнике, и дрожит мелкой дрожью, пока разбуженная Кенгуру сообщает, что произошло.

– Ло! Ло! Просыпайся! – кричит Маринэ в ухо, может быть, единственной подруге, трясёт её за плечи, щиплет за нежные запястья, бьёт по щекам.

Никакой реакции.

– Ло, ну давай же просыпайся, тебе нельзя умирать, у тебя же ребёнок. Ребёнок! Да очнись же ты, наконец!

Кенгуру и Лебедь, прибежавшие из комнаты на крики, смешанные с жуткими хрипами бьющей Ло в порыве истерики Маринэ, понимают: нужен телефон.

На этот раз их встречает бабушка Граси, полная и умудрённая опытом женщина, одетая в старую полуистёршуюся сорочку, с телефоном в руках:

– Забирайте его насовсем, а то так и будете среди ночи бегать, – и закрывая дверь: – Грасе завтра в школу, Грасе нужен сон.

Включив телефон в сеть, они тут же набирают тот самый номер, ставший почти родным.

– Вставай! Вставай же! Умоляю тебя, Лолита, ты ведь не дописала свои стихи!!! Пойдём, я уложу тебя в кровать! ЛО-ЛИ-ТА! Прошу тебя! – надывается Маринэ на кухне, рыдающая у колен уже совсем холодной девушки.

Скорая наверняка станет их постоянным гостем, если так будет продолжаться и дальше.

Осмотревшие Ло врачи констатируют смерть; погиб, как оказалось, и ребёночек. Хорошей новостью становится лишь одна – Оленёнка вытащили с того света и теперь есть шансы на скорое выздоровление.

– А что с ребёнком? – спрашивает обеспокоенная Кенгуру; похоже, целью тех, кто пытался убить, была не Оленёнок. Ей отвечают, что пришлось сделать кесарево, ребёнок жив, но находится в жизнеобеспечивающей капсуле – слишком рано родился и потому крайне слаб; любое неосторожное действие убьёт его.

Лебедь качает головой; слишком, слишком много смертей. Будто чьё-то проклятье.

Наутро Ольга идёт по улице в настроении, которое зовётся «никакое». Ничто не радует: ни яркое жизнерадостное солнце, ни неприлично зелёная трава на цветочных клумбах и газонах, ни даже спующие по улицам кошки. Смерть Ло и её малыша – трагедия для всех, неожиданная и разбившая их мирок. Хорошо, что с Оленёнком всё условно хорошо.

У многоэтажек она видит людей с плакатами и удивляется. Вроде бы депутаты в таких замутызганных квартирках издревле не водились, жаловаться особо не на кого, а что тогда. Лишь подойдя чуть ближе, она понимает.

– Долой беременных наркоманок! Сжить со свету эту дрянь и их поганых выродков! Из этих брошенных уродок толку не выйдет! Убирайтесь и не захлампыйте наш дом! – скандирует в рупор

лозунги, видимо, выученные на зубок, женщина с обезображенным злобой лицом и водянистыми глазками.

Ольга приглядывается и видит, что на плакатах написаны лозунги с одним и тем же смыслом, но в массе разных вариаций. Глупые-глупые люди. Сами ведь большей частью женщины, матери даже. Побоялись бы Бога такое говорить, но, видимо, этим даже сам Бог уже не страшен, лишь бы выжить несчастных побитых жизнью девушек отсюда.

– Долой!!! Их дети от Сатаны! – даже орёт, а не просто кричит старый дедуля с золотыми зубами, грозно взмахивая клюкой.

Ольга, глотая злые и бессильные слёзы, бежит к подъезду под возгласы этих ненормальных. Она ничего, совсем ничего не может сделать – её организация законна, но в полицию обращаться бесполезно, ведь на неё давят «сверху», посылая с вооружёнными людьми в масках убедительные просьбы освободить помещение.

Спустя минуту её мысли переключаются на подопечных – что с ними сейчас, чем они занимаются?

Кенгуру безуспешно пытается закрутить кран так, чтобы ржавая вода перестала капать зазря – по капле, по капле, да счета за воду набираются, а деньги приходится экономить: кормиться же чем-то надо, да и Агнешке требуется пара-другая пелёнок-распашонок, а если Оленёнка выпишут, то уйма денег на одни только лекарства уйдёт. Пытается, но рыжие капельки приглушённо стучат по недавно вымытой раковине, словно «слепой» дождик по зонту.

Лебедь спит на диване в прихожей – на этот раз без сновидений; Кенгуру заставила принять снотворное.

Перед глазами Кенгуру проносится картина минувшей ночи: холодная Ло, умершая быстро и спокойно, обезумевшая от горя Маринэ, хватающаяся за руки врачей и требующая спасти единственную настоящую подругу, крики Лебеди, обнимавшая те события бесстрастная ночь, привыкшая хладнокровно наблюдать, искусанные в кровь собственные пальцы, трясущиеся при наборе номера скорой.

Кенгуру гладит большой живот, в котором будут два крохотных сердца её малышей.

Маринэ – в ванной. Наедине с планшетом погибшей поэтессы. Разглядывает строчки, словно её это спасёт, свесив на лицо длинные

тёмно-русые волосы. Уродливый шрам на щеке совсем бел в сравнении с пылающими от слёз и истерик скулами.

«Уже не вернуть нам белёсого света», – читает снова и снова. Именно эта, самая последняя, строка неопубликованного «пирожка» царапает больней всего; точно Ло знала, что её ждёт, точно ждала этого и оставила нарочито безграмотно составленный и выбивающийся из положенного ритма стишок.

Строка врежется в охрипшее горло, смакуется медленно, протяжно. Она ведь в очередной раз права. Не вернуть. Ничего уже не вернуть. Ни Ло, ни её ребёнка, ни покоя, ушедшего вместе с всегдашним беспокойством.

На плите выкипает суп, а Кенгуру потерянным взглядом смотрит в окно, видит плакаты. Почему? За что их, будущих матерей, оставшихся без поддержки родственников или бессовестных, не желающих брать ответственность за свои действия мужей, так гнобят, пытаются сжечь со свету? Взгляд случайно падает на написанную Ло когда-то стену. «Мы – на краю совершенного мира, и нам не вписаться в него никогда» – гласит надпись, выведенная в одну из бессонных ночей дрожащей рукою. Строчка одного из её волшебнейших стихотворений, которые она порой читала вслух для Маринэ, но из-за громкого, хорошо поставленного голоса стихи становились похожи на призывы сталинских времён, их слышали все, порой даже соседи.

Ло сто один раз права.

Нацепив на лицо такое выражение, словно на улице нет никаких людей с их жестокими лозунгами, Ольга входит в квартирку, дышащую запахами зефирных косичек, выкипающего супа и тёплой курточки.

Созвонившись недавно с владельцем ритуального салона, она диву даётся от цен на похороны: «Лечиться дешевле, чем умереть. Тютю всем жертвованиям, но что поделать, если мать даже не изъявила желания явиться к усопшей дочери и нерождённому внуку, а помочь больше никому?» Заходит в ванную, чтобы смыть потёкшую с лица косметику.

– Маринэ? – удивлённо спросила, насколько она помнила, Маринэ никогда не жаловала технику, а особенно интернет и планшетник Ло, в частности.

Теперь же взору представилась картина маслом: она, напоминающая красным лицом и падающими на лицо спутанными волосами скорее

ведьму, чем беременную женщину, сидит на краю чугунной ванны в одном нижнем белье и быстро-быстро строчит, бубня под нос в аккомпанемент кнопочкам. Она не отзывается, и Ольга, смыв тушь, отправляется на кухню, чтобы поговорить с Лебедью и Кенгуру насчёт похорон.

Кенгуру внимательно слушает; Лебедь сопит, словно улитка завернувшись в бурое одеяло, расшитое цветами.

– Ничего, перетерпим, – заключает в конце рассказа Ольга мышкой вынырнувшая из прихожей Чужая и примирительно улыбается в ответ на косые взгляды.

Ещё бы: вроде беременная, но постоянно шляется где попало – тут любой косо посмотрит. Кто знает, когда она вернулась, и кто знает, когда уйдёт в следующий раз.

На Чужую давно никто не сердится всерьёз: ей слишком нужна свобода, её не удержишь истериками и запретами. К тому же она бережётся – всегда, даже в жару, носит тёплую одежду и регулярно посещает больницу. Чужая напоминает перелётную птицу из песен – уходит, чтобы возвратиться, и всегда помнит о доме, качая упавшие звёзды на пруду. Кенгуру не знает, перелётные ли птицы эти лебеди, да и не волнует её это; первым делом – суп на плите и похороны.

Скрип двери, из ванной выходит пошатываясь Маринэ.

Её никто ни о чём не спрашивает: почему у неё в руках планшет Ло, что она строчила целых полтора часа и как она себя чувствует. Здесь не принято беречь чужие совсем свежие раны; смерть самой говорливой и беспокойной из всех опустошила старую квартиру в центре города и ещё больше сплотила жителей. Оленёнок – в реанимации, Струна ждёт Лису и её малыша – все они не знают. Тем лучше.

Струна просыпается на том же белом стуле под скрип каталки и плач новорождённых. Вертит головой, как крохотный зверёк, кажется, даже принохивается – не Лису ли везут? Нет, не Лису; её макушку и усыпанные веснушками руки можно узнать из тысячи. Струна пытается расспросить врачей, но все они твердят одно и то же: всё в порядке, просто долго не может разродиться. Ещё просят убраться ноги. Да сколько можно?

Струна всё же убирает ноги куда может: под стул, обвив лодыжками его металлические ножки, но этого мало – острые коленки всё ещё торчат несчастными огрызками. Глупо всё это.

Струна громко чихает и смотрит красными глазами в стену. Затем снова устраивается почти что удобно и чутко дремлет.

Ей снятся кошмары.

Не такие яркие и чёткие, как Лебеди, но цепкие и противные, а может, даже и не кошмары вовсе. Будто она летит в темноте куда-то вниз и вниз, вниз и вниз, к поющим шипящие трели змеям, готовым обвить её тело и впрыснуть под кожу коварный горький яд.

Лебедь просыпается, когда уже наступают сумерки, совершенно бодрая и пахнувшая чуть пыльным диваном и старым одеялом.

У дивана на шаткой табуретке – тарелка с супом. Лебедь принохивается: кажется, борщ. На щеках играет обильный лихорадочный румянец, но ей пока не хочется есть. Она встаёт и относит тарелку на кухню – сквозь сон слышала, что вернулась Чужая походкой призрака, а эта особа не любит посторонние вещи на дороге. Залпом проглатывает оставленный для неё заботливой Кенгуру стакан воды и читает нацарапанные на бумаге строки: «Я и Кенгуру ушли в бюро ритуальных услуг». Вот так, без подписи даже; Лебедь знает почерк Ольги, и ей нетрудно, совсем нетрудно разобрать, кто и как пишет.

Со вздохом Лебедь уходит в ванную и набирает в неё горячей воды – совсем немного, едва до лодыжек достаёт – стоит экономить. Расцарапанные коленки остаются на холоде, и Лебедь обнимает их руками, покрывшимися мелкими пузырьками.

Так сидит до тех пор, пока не начинает плакать Агнешка. Услышав её крики, вылезает из остывшей воды и, наспех накинув махровый халат, шлёпает босыми ногами – время кормления.

3. БЕГИ ПО МОКРОМУ АСФАЛЬТУ

Ночь сегодня безлунная.

Финик бежит по тёмным улицам. Время настолько позднее, что даже фонари выключены! Зайцем петляет по бульварам, проезжим частям. Прочь, прочь!

Финик поскальзывается босыми ногами на грязь, падает. Дрожит, словно осиновый лист, подняться нет сил, а жить хочется. Он поймает и убьёт. А жить, может, не хочется, но нужно – где-то далеко отсюда ждёт маленькая Агнешка. Финик хорошо её спрятала, вряд ли догадаются искать в квартире, где проживают десяток беременных женщин, да и поди догадайся, чей

ребёнок дремлет в кровати. Это только мать может своего отличить от других, для мужчин все карапузы на одно лицо.

Финик приглушённо рычит и кое-как поднимается на трясущиеся разодранные в кровь ноги. Воспоминания о дочери прибавляют сил. Она снова бежит на свет единственного зажжённого фонаря, что у круглосуточного ларька.

Неожиданно в голову приходит мысль о том, что она словно Золушка, только убегает босиком, избитая, в синяках и не от принца, а от депота-наркоторговца, мечтавшего перевозить адскую отраву внутри своей дочки. Но некогда ей размышлять о сходствах с трудолюбивой сироткой: вдали слышны рёв мотора и крики.

Её ищут.

Финик теперь чуть менее, чем полностью, оправдывает свою кличку, данную Чужой, – некогда длинные выкрашенные в бирюзовый волосы сбриты машинкой едва ли не до корней. По его словам, они «мешались». Кому «мешались», женщина не знала. Как и то, сколько пробыла в заточении. День? Неделю? Месяц, может быть?

Ларёк всё ближе; спасительный ночной огонёк, в свете которого можно укрыться от злобного и раннее желанного да бескрайне заботливого жениха.

Прочь, прочь!

В ларьке её не подумают искать, совсем не подумают, правда-правда.

Финик подбегает к двери и разбивает в кровь и без того истерзанные костяшки, стуча в холодный металл.

Ло хоронят в стареньком подвенечном платье, отданном бабушкой Граси и, по легенде, принадлежащем Грасиной маме, которая умерла пару лет назад, – конечно, это против правил, но иначе никак – слишком много ушло на похороны; больше тратить нельзя.

Маринэ стоит, низко опустив голову. Одета в чёрный брючный костюм, волосы спрятаны под чёрным траурным платком. Пока не закрыта крышка гроба, каждый может попрощаться. Она подходит и кладёт в гроб её планшет, не закрывая вклады с собственными стихами, посвящёнными ей и её смерти; никто не узнает, что было написано её рукой в *ту* ночь, в *то* утро.

На похороны, как ни странно, является мать Ло, сгорбленная и, пожалуй, довольно старая женщина: сеть морщинок опутывает смуглое лицо, седые космы спрятаны под чёрным платком с блеклыми бордовыми розами – иного нет.

– Лолита... – плачет она, проводя сморщенными ладонями по мертвенно-белому лицу дочери. – Лолиточка, маленькая моя девочка, прости меня, мою душу грешную. Не поняла, не оценила, не уберегла... – старуха ещё что-то бормочет.

Маринэ щурится; ей хочется ударить мать лучшей подруги. Сама бросила дочь в беде, а теперь плачется у гроба, вымаливает прощение у трупа. Руки, которые многие назвали бы мужскими из-за размера и обилия шероховатостей и мозолей, сжимаются в кулаке до белеющих костяшек. Кенгуру замечает это и придерживает девушку за рукав.

Ольга стоит чуть поодаль и промокает глаза платком.

Звонили каких-то пять минут назад; требуют покинуть квартирку, ведь она нужна каким-то бизнесменам под офис. Прозрачно намекнули, что Ло и Оленёнок – их бесстыжих рук дело.

Разве четыре жизни дешевле старенькой квартирке в далеко не престижном доме?

Девочки не узнают об этом.

– Нужно переезжать? – переспрашивает Лебедь, глядя на Ольгу. Не понимает, к чему такая спешка – покинуть квартирку до понедельника. Немного помолчав, добавляет: – Но зачем и куда?

– Есть вариант получше, – врёт Ольга, ведь ложь во спасение – это хорошая ложь, допустимая, правда?

Они идут впереди, аккуратно огибая раскисшую кладбищенскую землю на могилах, синие, полураспиленные заборчики с пиками и гранитные памятники. Чуть позади – неуклюжая Струна, которую придерживает от падения в грязь прозрачная Чужая, сразу следом – опечаленная Кенгуру и злая на весь свет Маринэ. Агнешку пришлось оставить на Грасю и бабушку, но это совсем ненадолго, ведь скоро они вернуться и заберут её.

Агнешка спит в своей кровати; рядом на чьей-то кровати сидит Грася и вышивает крестиком пейзаж: розоватый закат, преломляющийся в каплях бурного водопада, низко наклоненные к самой воде ивушки, пологий берег, ветряная мельница и пшеничные поля вдали. На коленях лежит схема, рядом – цветные нити мулине и набор вышивальных иголок. Грася предпочитает не использовать пяльцы – ей трудно с ними вышивать: картинка теряет целостность.

– Не беспокойся, – шепчет она, когда крики снизу становятся слышны на пятом этаже даже через закрытую форточку. – Их много, но ты сильнее.

Агнешка не слышит; она спит крепко-крепко и видит во сне картины прошлых жизней.

Стук в двери заставляет девочку отложить вышивку и отправиться в прихожую крадучись, чтобы не разбудить кроху.

– Кто там? – неуверенно спрашивает она, поднявшись на цыпочки, но всё равно не доставая до дверного глазка.

– Грася! Грася! Грасенька... милая, открой! – просит Финик.

Грася слышит и открывает двери. Голос тётки Юли она знает прекрасно, как и голоса остальных здесь живущих.

Растрёпанная, почти голая Финик с разодранной кожей на руках и ногах заставляет вскрикнуть от удивления. Вышедшая по зову бабушка помогает дотащить женщину до дивана в прихожей, но Финика, озябшую, почти что мёртвую от голода и побоев, интересуется только одно – она рвётся из рук и шепчет: «Агнешка, Агнешка...».

Только увидев её целой и невредимой, Финик обессиленно падает на диван и будто отключается от мира.

Грасе интересно, но она молчит и только помогает бабушке: где лекарство нужно принести, где бинт отрезать, где ранку промыть, где мозоли да ссадины заклеить. Бабушка догадывается, откуда все эти «украшения» могли взяться, но рассказывать свои догадки Грасе не торопится. Так и молчат.

Бабушка неодобрительно цокает языком, заметив на руках Финика следы уколов. Не стоит делать поспешных выводов, не зная ситуации.

Чужая снова возникает будто бы из воздуха и снова чуть раньше других – Ольга повела девочек в магазин, а Струна направилась в роддом, чтобы навестить Лису. Уже по запаху понимает: случилось нечто из ряда вон выходящее.

Увидев спящую Финика, Чужая расплывается в улыбке. Наконец-то вернулась.

– Тихо, – напутствует бабушка, но и без того всё понятно.

Она замечает на выгоревшей куртке след от оторванной пуговицы, но, кроме этого, не видит ничего в человеке. Потому что, кроме этого следа от пуговицы, больше ничего не надо.

Грася возвращается на своё место у кровати и снова берётся за вышивку.

Чужая садится у ног Финика и ждёт пробуждения.

Лиса лежит на неудобной кровати в старенькой общей палате роддома. Ей не то чтобы пло-

хо, просто скучно, потому она меланхолично что-то гудит и пытается выцарапать в стене тайный ход, через который можно выпустить жемчужных вошек, – так она называла ненужные мысли. А что, похоже ведь: мешают, чешутся, бегают по извилинам и поедают жизненные соки.

Дверь едва слышно открывается. Лиса даже не собирается поднимать голову, чтобы взглянуть на пришедшего тревожить её покой: скорей всего, медсестра какая-нибудь, будет проверять состояние и всё такое. Именно из-за таких медсестёр Лиса не любила больницы, в коих лежала в своё время слишком часто.

– Здравствуй, – весело произносит Струна.

Отчего-то из-за своей беременности она ни капли не поправилась – даже животик едва-едва заметен через растянутый свитер. «Может, это биологическое», – думает Лиса, едва кивнув подруге.

– Чужая вернулась, – больше ей рассказать не о чем.

Несколько минут сидят молча.

– Сыграй на гитаре? – спустя несколько минут просит Лиса, взлохматив вьющиеся волосы.

Струна недолго мнётся, а затем вытаскивает из чехла старенькую гитару, которую всюду волочит за собой, как улитка свою раковину. Садится напротив и начинает аккуратно перебирать струны, извлекая мелодию по просьбе подруги.

Сначала робко, несмело. Пытается сочинить мелодию в поддержку, специально для Лисы. Постепенно пальцы смелеют, в уме уже складывается будущая песня, а пока просто незатейливый, но мелодичный и звучный перебор, характеризующий Лису такой, какой она видится играющей ради неё женщине.

Струна играет, закрыв глаза и забыв обо всем на свете. Её в любую секунду могут выгнать из палаты медсестры – пускай, ей нетрудно уйти, ведь мелодия останется у Лисы. Она может потревожить тех, кто лежит в соседних палатах, но совсем не думает об этом. Сейчас – гитарные струны, ненавязчивая мелодия для Лисы и едва слышимое перешёптывание слушателей, столпившихся за дверями.

Затихает последний аккорд, и с этим аккордом затихают шепотки, но на смену им на чужих ладах горят аплодисменты.

Струна опускает глаза, слушая полные восторга похвалы, и скромно отклоняет просьбы повторить на бис.

Для Лисы и только для Лисы, не для незнакомых.

Возвратившись из магазина с полными пакетами продуктов, девушки невесёлой, но дружной толпой вваливаются в заметно опустевшую без Ло и Оленёнка квартирку. Кенгуру и Маринэ отправляются раскладывать продукты, а Ольга заглядывает в комнату и замирает в дверях.

Финик сидит на своей кровати и кормит грудью Агнешку.

Только сейчас, когда у Финика выбрита голова и нет больше бирюзовых прядей, вечно сваливающихся на лицо, понятно, насколько они похожи. Даже несмотря на то, что одной едва месяц, а другая уже совсем взрослая.

– Здравствуй, – по болезненному виду и множеству бинта и пластыря на смуглой коже Финика она понимает всё и даже больше.

Снова он.

Он называет самого себя Кошмаром, торгует наркотиками, являясь частью крупнейшего синдиката по их распространению, и около года мучает забеременевшую от него Финик. Преследует её, мечтает посадить на наркотики и держать рядом с собой и её, и дочь, в которой можно без подозрений перевозить товар – заставить проглотить нерастворимую капсулу, и плевать, что малышка может подавиться.

Ольга не раз выгоняла его с лестничной клетки, выпихивала из квартиры и, защищая свою подопечную, даже огрела сумкой его лысую голову, по которой ползёт жуткий змееподобный монстр с бешеной крысиной мордой, ощерившейся в зубастом оскале.

Как хорошо, что это всего лишь тату.

Финик едва заметно кивает, увидев во взгляде Ольги всё, что остаётся невысказанным.

Есть у них такая особенность – понимать друг друга без слов.

Лебедь заходит в ванную, чтобы умыться, и снимает с зеркала чёрную ткань.

4. НА КРАЮ СОВЕРШЕННОГО МИРА

Ольга кусает нижнюю губу; сегодня нужно объявить всем девушкам и даже вернувшейся из роддома Лисе с маленькой, но белой, словно мел, дочкой.

– Как назвала? – спрашивает Маринэ, впервые после смерти подруги решившая с кем-то заговорить.

– Ласка, – отвечает ей Лиса, бережно держа малышку на руках. – Маленькой и ласковой будет.

Все уже знают, что маленькая никогда не плачет – с врождённой немотой не поспоришь,

тем более если у тебя нет денег, а совершенному миру просто нет дела.

Когда все девушки собираются в более-менее просторной спальне и располагаются на кроватях как можно удобней, Ольга тихим, дрожащим голосом рассказывает о звонке и требовании покинуть квартиру.

Кенгуру гладит живот; всё будет хорошо.

– Мы же не покинем эту квартиру, правда? – как и всегда, Лиса проявляет недюжинную ответственность, когда дело касается её жилья.

– Придётся, – на выдохе произносит Лебедь, – иначе с нами и нашими детьми произойдёт то же, что с Оленёнком и Ло.

По спальне прокатывается возмущённое «ох».

– И куда мы пойдём? – опасаясь за остальных, Маринэ готова даже вещи за остальных собрать, лишь бы поскорее убраться отсюда.

– Можно пожить на моей даче, пока не подвернётся лучший вариант, – неожиданно предлагает Чужая.

Все взгляды направляются в сторону неё. Струна даже удивлённо присвистывает – никогда бы не подумала, что от Чужой может быть хоть какая-то польза, ведь Чужая особо никому не помогала, появлялась в квартире максимум раз в две недели, а уж о каких-либо делах по дому и речи не велось.

– Ну да, у меня есть дача, – спокойно отвечает Чужая, не замечая взглядов и сконцентрировавшись на торчащей с воротника Лебеди белой нитке. – От прабабки покойной досталась; я часто туда ездила – печку протопить, зверей прабабкиных всяких накормить и тому подобное. Пускай подавятся своей квартирой – дача добротная, с огородом и даже садиком. Детский сад недалеко. Воздух свежий, петухи по утрам горланят, через дом молоко продают. Хорошее место.

Устав, Чужая замолкает. Раньше она никогда не говорила так много слов разом; это её дебют.

Ольга не спрашивает, почему Чужая не рассказывала раньше, и удерживает от того же вопроса Маринэ. Если была нужда сохранять это в тайне – пожалуйста.

Оленёнок открывает глаза.

Тело пронзает приступ тупой усталой боли.

– Оленька, Оленька... – плачет мама рядом, не отпуская прозрачной руки поверх одеяла.

– Мама, – хрипло, как обычно бывает после долгого сна, шепчет Оленёнок, пытаясь сфоку-

сировать двоящийся взгляд на её скуластом лице. – Здравствуй, мама. Как ты? – пожалуй, немало глупо.

– Мы волновались, – признаётся мама, и на её покрытом сеткой морщинок, но ещё цветущем лице появляется улыбка. – Не глупи, дочка. Возвращайся к нам с папой. Внучка вместе воспитаем, ты школу окончишь. А на людей наплюй. И возвращайся.

Оленёнок с трудом поднимается на кровати и крепко обнимает маму. На глазах – слёзы.

– Вернусь, – шепчет она. – Вернусь.

Чувство вины будет нелегко побороть, но ради мамы и будущего сына стоит попытаться.

Оленёнок удивляется, чувствуя в теле непривычную лёгкость.

– Что с ребёнком? – спрашивает она с нарастающей тревогой.

– Он в капсуле, дорогая. Врачи говорят, что его состояние в норме, но придётся ждать.

Оленёнок молчит, её снова заключают в объятия тёплые, пахнущие хлебом материнские руки.

– Подождём, дорогая. Подождём обязательно.

Весть об очнувшейся Оленёнке передаёт мама по её просьбе. Взяв трубку Кенгуру внимательно слушает благодарности и изредка вставляет учтиво-дежурные фразы, немного шаблонные, но всегда действенные при телефонном разговоре со старшим поколением.

– Оленёнок очнулась и станет жить с мамой, – говорит она, положив трубку.

Известие немного поднимает настроение остальных.

Ольга вспоминает о переданных вещах, когда девочки начинают собирать свои пожитки, и решает показать их тогда, когда это всё закончится.

Лебедь с грустным видом болтает в пальцах пустую баночку из-под снотворного.

– Кончилось? – интересуется участливая Кенгуру.

– Да.

Кенгуру старательно шарит по карманам в поисках своего, которое у неё лежит просто на случай, если кому-то ещё понадобится.

– Прости, у меня нет снотворного, но я могу заварить тебе пустырник – тоже хорошо помогает.

Лебедь кивает.

Всё ради того, чтобы кошмаров не было.

Выпив заваренного в кружке успокаивающего напитка, она ложится в расправленную по-

стель и засыпает под звуки телефонного разговора Ольги – она заказывает «Газель» на завтрашний переезд.

Она – посреди озера.

Разглядывает своё отражение, ничем не тревожимое, и позволяет себе улыбнуться.

Небо темнеет. Сгущаются тучи; слышны громовые раскаты вперемешку с вороньим карканьем, изредка тучи освещаются ударами молний. Спёртым предгрозовым воздухом трудно дышать.

– Мама! Мама! – крылатая малышка снова тут.

Смотрит в упор и тихо зовёт, но зов её для воспалённого слуха кажется оглушительным криком. Криком, на который она никогда не сможет ответить.

Беззащитное тело со всех сторон опутано жестокими стеблями терновника, оставляющими глубокие царапины.

– Мама! Мама! – снова зовёт она, беспокойно прыгая по берегу на пуантах взад-вперёд. – Мне страшно, мама! Вороны уже близко!

Карканье многократно усиливается, от мощных ударов крыльев воздух звенит.

Один из воронов бросается на малышку, больно царапает её нежную кожу. Лебедь рвётся из терновника, распарывая его шипами ко- жу; скорей на помощь!

Девочка закрывает усталые глаза и разводит крылышки в стороны, машет ими, будто собираясь взлететь; не умеет ещё. Кружится в фуэте, семенит на пуантах, пытаясь хоть как-то защититься от воронов и рокота грома, словно бы записавшегося воронью в союзники.

Женщина рвётся из стеблей, не обращая внимания ни на боль, ни на кровь, текущую подтаявшей смолой по могучим терновым стеблям, что держат её.

Высвободив изодранную руку, она тянется пальцами к девочке, шепчет что-то успокаивающее.

Холодное стекло становится ей ответом.

– Мама! Мама!

Воронья налетает на кроху всей стаей, клюёт её в крылья, которыми она пытается защитить лицо, оставляет на нежной коже и одежде рваные следы когтей и клювов; подлые разбойники.

Воздух до предела тесен.

Лебедь напряжённо дышит.

Издали слышится тихая музыка; вороны разлетаются в разные стороны, не сводя глаз с жертвы.

Она, слыша сладкие звуки знакомой мелодии, снова расправляет крылья и начинает танец. Нежные, кроткие, робкие движения будто бы повторяются кружащимися в воздухе чёрными перьями. Па-де-де.

– Мама! Мама! – зовёт малышка каждым движением, каждым наклоном головы, каждым прыжком.

На берегу стоит непонятное существо.

Человек?

Очень даже может быть.

На нём длинный плащ с высоким воротником и широкополая шляпа, как у тех мужчин из американских фильмов про Дикий Запад. В руках, облачённых в чёрную кожу перчаток, сияет арбалет из чистого серебра. Лебедь точно знает, что это серебро, но ей трудно ответить даже самой себе на вопрос, почему она это знает.

Существо наставляет арбалет на танцующую малышку.

Гроза всё ближе; с неба в зеркальную воду падают первые капли дождя.

«Нет, дочка, нет! Беги!» – хочется крикнуть женщине, но стекло заглушает даже её голос; она глубоко дышит, оставляя на нём кровавые разводы и запотевшие кругляши, согретые собственным дыханием.

Она всё ещё рвётся из терновника, но тот не желает отпускать её просто так и потому впиивается ещё сильнее в нежное тело.

Открыв глаза, девочка замирает. Мелодия продолжает двигаться.

Арбалет неизвестного существа направлен ей в лоб. Нет ни капли сомнений в том, что стрела может пробить хрупкие кости.

Залитая злыми слезами, Лебедь резко рвётся вперёд и громко кричит что-то неразборчивое. Оторванные стебли остаются висеть на её руках и ногах; она бьёт изо всех сил.

Стекло разлетается на разноцветные куски и падает в озёрную воду, превратившись в хрупкие, создающие вечную радуу капли.

Она бежит прямо по воде, окрашивая её израненными ступнями.

– Дочка! – на этот раз её крик слышен, и не только резко брызнувшему грязными мазутными каплями воронью.

Существо в чёрном исчезает вслед за ней, а серебряный арбалет вместе с так и не выпущенной стрелой падает на прибрежный песок.

Малышка улыбается и закрывает истерзанную маму жёсткими перьями от разошедшегося не на шутку дождя.

– Я скучала, мамочка!

– Я тоже, дорогая.

Они прячутся от дождя под старой плакучей ивой, куда не проникают ни дождь, ни ветер.

– Так ты пойдёшь со мной? – спрашивает кроха.

Лебедь смотрит в её ясные небесно-голубые глаза и кивает.

Наутро она не проснётся.

Не проснётся и в полдень, как бы Кенгуру ни пыталась её будить.

Из-за смерти Лебеди придётся тратить оставшиеся с пожертвований деньги.

Исцарапанную в кровь Лебедь приходится хоронить в закрытом гробу.

К ней на похороны не приходят родственники, коих большое количество; знают ли об её смерти? Вряд ли.

Кенгуру снова гладит живот и убеждает саму себя, что всё будет хорошо; Лебедь ведь всегда тянулась за своей мёртвой дочерью, кому, как не ей, было это видеть?

После похорон Лебеди квартирка через каких-то два месяца станет офисом, как и планировалось. В соседних многоэтажках потом долго будут судачить на тему того, как же хорошо без беременных наркоманок, у которых нет мужей, а Грася и бабушка будут изредка писать бумажные письма по адресу, оставленному Чужой специально для них. Они будут получать и ответные письма, из которых узнают, что у Струны и Кенгуру родились прелестные малыши, а Агнешка и Ласка уже скоро пойдут; что Лиса выучилась в другом городе на шоколатье и открыла свою летнюю кафешку в дачном посёлке, а Ольга, прежде приезжавшая к ним изредка, дождалась, пока сын окончит школу, и уехала к ним навсегда.

ЭПИЛОГ

Грася держит в руках коробку с цветными мелками. Красный, синий, зелёный, жёлтый, даже фиолетовый есть.

Она рисует на стене подъезда кривоватый прямоугольник, который внутри заполняет узорчатыми лоскутками. Кружки, сердечки, ромбики звёзд, чудесные цветы, описывающие полукруг у нарисованной дверной ручки, трещинки около неё, через которые наружу прорываются свежие ростки, серебрящиеся в скользящем через оконную раму солнечном луче.

Эта дверь чуть приоткрыта, и через неё виден удивительный, совсем иной мир.

Тот мир, в котором люди не оставляют незнакомых в беде, в котором австралийский кенгуру – лучший друг белой лебеди, а лисицы перебирают гитарные струны так же легко, как и люди. Мир, в котором всё и не думает делиться на «своё», «чужое»; мир, где поэтесса заканчивает

все свои стихи, а живущая с ней рядом девушка ненавидит технику. Тот мир, где обитают девушка-призрак и дикие звери, что готовы сожрать собственную любовь ради выгоды. Тот мир, где немая девочка и её говорливая подруга всё время вместе, словно сиамские близнецы – не разлей вода.

Грася задумчиво выводит рядом с нарисованной приоткрытой дверью синюю бабочку и старательно пишет на самой двери: «Дверь в иную Вселенную».

Те, кто не поместились в совершенный мир, стали частью вселенной, которую построили сами.

Люди увидят эту дверь, не поймут и забудут. Ту самую дверь, которой не было.

Это ни капли не важно.